

«НИЧТО-НИЧТО НЕ ПРОПАДАЕТ...»:

МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ БЕЗРОДНЫЙ

(16 февраля 1957, Ленинград – 18 ноября 2023, Гейдельберг)

Скайп оставался основным средством общения, к которому Миша прибегал в последние месяцы, когда набирать слова на клавиатуре у него уже отказывали пальцы. Сейчас на компьютере я вижу автоматическое сообщение в верхней части экрана, расположенное прямо под позывными абонента (раньше его можно было найти в сети под ником *mbnrzb mbnrzb*): “Last seen 4d ago”. Это значит, что в последний раз Миша заходил в свой аккаунт накануне смерти, четыре дня назад, и цифра эта отныне будет только увеличиваться – до бесконечности. Хотя от Миши можно ожидать все что угодно: например, представить, как внезапно раздастся звонок, и на другой стороне некто весело усмехнется: «Не ждали?» – именно так, с отсылкой к хрестоматийной картине, ведь написал же он мне на своей книге «Пиши пропало» (2003): «Ю. Л. на память о встречах на большой дороге интертекста». Сняв с полки все Мишины книги, я убедился, что только на первой – «Конец Цитаты» – не оказалось инскрипта (в 1996, когда к Мише пришла громкая литературная слава, мы еще не были знакомы). Зато в дарственных надписях на «Радуге и осьминоге» (2016) и «Коробе третьем» (2019) Миша уже обыгрывает место, которое горячо любил и где чаще всего нам доводилось видеться («...на память о сказочном городке» и «...на память о городе-герое Гейдельберге»). Сам он над жанром дружеских посвящений иронично подтрунивал: «Пятый переезд за десять лет, это ли не безумье. Книг с автографами все больше, зато все меньше – без» («Пиши пропало»).

*

Под одним из многочисленных постов памяти Миши в Фейсбуке пользователь, не знавший филолога лично, посетовал, что, мол, никто из мемуаристов ни слова не говорит о самих его текстах («Все об остроумии покойного, его колкостях и вообще памятном

характере...»). На что друг и издатель последней книги покойного, Леонид Межибовский, резонно возразил: «Тексты остаются, а человек уходит, поэтому и пишут о человеке, которого теряют». В этом некрологе также будет больше о Мише-человеке, чем о Мише-филологе. Что в случае Безродного, вероятно, одно и то же, поскольку эти две ипостаси были для него неразделимы. Он жил литературой и жизнь свою превращал в роман, сотканный из миниатюрных коллизий. Истории о себе и своих друзьях Миша искусно нанизывал на нить застольной беседы (он обожал именно этот жанр). Пленяя своими филигранными текстами, он и собеседником был совершенно гениальным, в чем повезло убедиться многим из его читателей: Мишин общительный характер располагал к широкому кругу друзей и приятелей-коллег. У него были свои излюбленные темы: похождения молодости, курьезные случаи периода службы в советской армии, учеба в Тарту у любимых учителей – Зары Григорьевны Минц и «Юрмиха» – Юрия Михайловича Лотмана, – работа в Публичной библиотеке, примечательная борьбой с тамошними бюрократами-мракобесами, эпопея переезда на Запад и первые годы жизни в Германии... Обо всем он рассказывал подробно, выпукло и – несмотря на то, что некоторые из его историй граничили с гротеском – по-научному достоверно.

Отдельные устные виньетки я позже узнавал в мемуарных фрагментах его книг (запомнилась одна про встречу с подвыпившим Андреем Тарковским в тартуском киноклубе после показа «Зеркала» осенью 1974). Изящные ключи к филологическим загадкам, которыми Миша щедро делился во время наших совместных прогулок или сражений в пинг-понг (а играл он с огромным азартом), затем появлялись в его Живом Журнале, а позже и в научных сборниках. Так Миша обкатывал будущие публикации со своими визави, внимательно прислушиваясь к тому, как идеи резонируют в разговоре. И если получалось изредка добавить что-то к безупречным цепочкам его рассуждений, я почитал это за удачу (как в главке *Kernmotiv* из «Короба третьего», посвященной мотиву сливовой косточки в русской литературе).

Переехав из Бонна в Гейдельберг, Миша с полной отдачей погрузился в преподавание в одном из старейших университетов Европы. Он категорически отвергал предписания сверху и чувствовал себя скованно в навязанных любой системой рамках, будь то унылые советские или педантичные немецкие образовательные стандарты. Миша подготовил специальное пособие по развитию навыков чтения и анализа текста для студентов-филологов, изучающих русский как иностранный, однако этот компактный учебник с удивительным названием «Радуга и осьминог» не укладывался ни в какие существующие серии. Правильнее сказать, он придумал собственную новаторскую технологию обучения студентов посредством чтения адаптированных сочинений Шарля Перро, братьев Гримм, Андерсена и других с приложенными к текстам хитрыми задачами, кроссвордами, таблицами и игровыми заданиями («Представьте себе, что вы на уроке феи в желтом, и заполните таблицу “Животные” примерами из текста»). Часть из них, полагаю, составлялась нарочно с целью поставить молодых немецких славистов в тупик («Что представляет собой стилизацию антиколониального дискурса и что – антибуржуазного?» или «Какое важное слово отсутствует в тексте?»). Вряд ли обучать студентов по такому учебнику смог бы кто-либо, кроме самого Миши, но то, что ему удавалось добиться от своих учеников феноменальных результатов, – несомненно.

Миша обожал купленный в Гейдельберге уютный дом с садиком и винным погребом, похожий на средневековый замок, где они скромно и счастливо жили с Ренатой и тремя сыновьями. Чрезвычайно гордился черепичной башенкой, на которую после ремонта удалось водрузить привезенный из путешествия на родину предков Ренаты, эстляндских баронов, флюгер – точную копию фигурки Старого Томаса, украшающей шпиль таллиннской ратуши с 1530 года (частица «фон» в сочетании с фамилией мужа часто становилась предметом семейных шуток). Однажды мне довелось прожить целый месяц в гостевой комнате на третьем этаже, куда я взбирался почти по отвесной лестнице, пока хозяйева отдыхали на море в Голландии, как делали каждое лето. В этом доме со стеллажами, простирающимися от пола до потолка, с заботливо

расставленными в алфавитном порядке книгами я чувствовал себя юным героем рассказа Юрия Сотника «На тебя вся надежда», которого поселили в квартиру профессора Грабова.

Если я находил осколки «гейдельбергского текста» в русской культуре, то старался порадовать Мишу, жителя этого удивительного университетского городка. Читая только что опубликованную переписку Набокова с Верой, наткнулся в письме писателя из пансион-отеля Шварцвальдхаус: «Я тебя люблю, комарик мой превосходный. Может быть, устроишься под Heidelberg'ом, – там, говорят, чудесно, а?» (17 июня 1926). Или, например, в архиве венской переводчицы Элизабет Маркштейн попало письмо Иосифа Бродского, в котором тот, по-видимому по впечатлениям от туристических открыток, сравнивал свой американский приют с городом на Некаре: «Анн Арбор – городишко не слишком американский, конечно – помесь Гейдельберга с родео, но типического тут тоже немало» (15 сент. 1972). (Впрочем, из этих отрывков ничуть не следует, что Набоков или Бродский здесь бывали, – в отличие от Мандельштама, Саши Черного, Пирогова и Менделеева.)

Миша много работал, иногда одновременно на нескольких параллельных экранах (еще умудряясь краем глаза смотреть какие-то боевики). Публиковал он при этом гораздо меньше, чем мог бы (и, осторожно хочется добавить, чем должен бы был, – при дарованном ему таланте). Но жизнь состояла не только из трудов праведных: ко всему прочему, Миша умел посибаритствовать. Он ценил хорошие коньяки, которыми потчевал гостей. Кульминация вечера наступала, когда среднего сына отправляли на велосипеде за мороженым (Миша больше всего любил фисташковое) или играли на фортепиано. Если мне доводилось проводить летние месяцы в Гейдельберге, он время от времени звал присоединиться к ужину в японском ресторанчике *SameSame*, расположенном на узкой улочке, которая ведет к воротам у Старинного моста – Альтер-Брюкке. Миша неизменно появлялся со своими домашними палочками для суши, завернутыми в специальный матерчатый чехол. С тех пор как я случайно открыл неподалеку вьетнамское заведение «Сайгон», мы зачастили в это местечко с названием, навевающим легкую ностальгию.

Мишина любовь к радостям комфортной жизни, видимо, отражала стремление компенсировать травмирующий опыт армейской службы в Забайкалье. В период пандемии я сообщил, что специально для дочери, которая должна была провести в изоляции десять дней, нам пришлось на время арендовать пластиковую туалетную кабинку, наподобие тех, что устанавливают на стройках: «...привезли защитного цвета конструкцию с импозантным названием на одной из стенок – *Royal Flush*, и если бы не средняя температура около ноля на улице, то все было бы даже смешно». У Миши «темы холода и пластикового туалета реанимировали воспоминания о забайкальском армейском сортире – деревянном, многоочитом и, разумеется, неотапливаемом, так что при минус сорока пяти (температура с поздней осени до ранней весны, а зимой 1978/79 дошло до минус пятидесяти трех) некоторые солдатики посещали его с ворохом бумаги (газет не было, и в ход шли неиссякаемые собрания сочинений Ленина из одноименных комнат при каждой казарме гарнизона), чтобы развести вокруг себя костерок – давал иллюзию обогрева. Из искры возгоралось пламя, так сказать».

*

Свою тяжелую болезнь он переносил с необычайным мужеством. В январе 2020, во время бессонницы, мне пришли в голову строки, которые я озаглавил «Из подражаний М. Б.»: «Рак за руку Греку цап – / не успел закрыть WhatsApp». Автор моностиха «рак за почку греку цап» отозвался одним словом: «Лихо!».

Научным проектом, который не только воодушевлял Мишу в последние годы, но и помогал ему бороться с недугом, стал развернутый комментарий к «Пиковой даме» Пушкина. Миша регулярно делился новостями, связанными с будущей книгой («Я, как полярник, размораживаю приготовленные Ренатой съестные припасы и неспешно отделяваю комментарий к ПД. Время от времени испытываю утомление от прикованности к одному тексту и на днях написал заметку на др. тему (короткая, так что прилагаю). <...> Четыре дня пришлось ждать замены роутера, и какое же это было счастье не читать поминутно новости» (имелась в виду война в Украине);

в другом письме, полном шутливых пушкинских реминисценций: «Рената обеспечивает жизнедеятельность нашего семейства и – как дистанционный зритель – обеих матушек. ВПС наслаждается последней неделей до начала семестра и вовсю – в хвост и в гриву – комментирует “Пиковую даму”»). Как-то я упомянул о том, что наш новый электромобиль мы назвали *Queen of Spades*, но не из-за того, что он черного цвета и с заостренным капотом, а поскольку при регистрации выдали соответствующий номер: 173. Миша немедленно отреагировал: «С говорящим номером машины здорово получилось. Прямо как в “Лолите”: WS 1564 и SH 1616». Жаловался на темпы прогресса: «Комментарий к “Пик. даме” продвигается, но медленнее, чем нужно было бы, чтобы он увидел свет в след. году, когда Лотману исполнится 100. (Странно смотреть на это число, ведь Лотмана я увидел в 1974, и он был значительно моложе, чем я теперь)». Ему важно было успеть дописать свой магнум опус, и безумно жаль, что он не дожил всего двух недель до выхода книги в свет.

В письмах мы делились друг с другом делами семейными даже чаще, чем литературоведческими находками. Вот финал одного из Мишиных посланий в его характерной манере: «Закругляюсь: Дёма неожиданно выразил готовность читать вслух “Винни-Пуха”. Нечаянная радость, как сказал бы поэт Блок. Ловите миг удачи, как спел бы инженер Германн»; мне, в свою очередь, доставляло удовольствие развлекать Мишу «байками из жизни»:

Сегодня за пинг-понгом решил по следам Вашего доклада пересказать Леве, чтоб не зря мячик гонять, содержание «Пиковой дамы». Все шло хорошо, и когда мы дошли до первой ночи, а интрига нарастала, по учительской привычке, походя, задал контрольный вопрос: «Так какую карту первой назвал Германн?». Лева: «Не знаю».

– Ну как же: тройка-семерка-туз! Значит, начал с тройки.

– А я думал, что они играют в treasure hunt.

– При чем тут treasure hunt?!

– Ну ты же сам сказал – «карты» (maps)!

Занавес.

Миша лингвистическое недоразумение оценил: «История упоительная – и знакомая. На экзамене у Лотмана мне, конечно, выпала “Пиковая дама”, и я спросил экзаменатора: а в какую игру они играют? – А вы сами как думаете? – В очко? (Меня как раз недавно В. Паперный, А. Рейфман и М. Лотман обучили играть в очко, а других карточных игр я не знал – и до сих пор не знаю.) – Что вы, голубчик! Отчего же очко? – Ну как: тройка – семерка – туз вместе дают двадцать одно. – Ну, это распространенная числовая символика. Нет, в ПД играют в фараона, разновидность штосса».

Он насыщал свои монологи пушкинскими аллюзиями подобно живительному кислороду. Взять, к примеру, инструкции, которыми я был снабжен накануне возвращения нашей семьи на другую сторону Атлантики, когда пришла пора оставить велосипед на хранение у Миши с Ренатой («Пусть Ваш “двухколесный друг”, томящийся без дела в застенке, будет залогом Вашего и вашего скорого возвращения в наш городок-герой!»): «...оставьте, пожалуйста, велосипед под замком на нашей (внутренней) стоянке, ключ же в первом случае (Керстин дома) отдайте Керстин, а во втором (калитка не заперта – как дверь в дом старухи графини перед приходом Германна) бросьте в ящик». Пару лет спустя, перед очередной поездкой в Германию, я осведомлялся: «Если мой двухколесный друг еще наслаждается тихим прибежищем в гостеприимной конюшне вашего замка, буду рад встрече с ним», на что Миша отвечал: «Двухколесный друг Ваш бьет копытом в подземелье, предвкушая выход на и в свет».

По служебной надобности мне пришлось ознакомиться с новым роскошным изданием «Евгения Онегина» (М.: Проспект, 2018). Специально для Миши я выписал оттуда следующее примечание: «Лимбургский сыр – вкусный вонючий сыр, на момент написания этих комментариев находящийся в санкционном списке запрещенной к ввозу в нашу страну еды». Я не отказал себе в предположении о том, какие возможности могли бы открыться Лотману, если бы филолог писал свои комментарии в стилистике эпохи застоя: «Страсбургский пирог – изделие пищевой промышленности, изготавливаемое в г. Страсбурге, на

момент написания этих комментариев находящемся вне пределов досягаемости советского гражданина на враждебной территории капиталистической Франции». Миша парировал: «Вот Вы смеетесь, а ведь настанут времена (и Вы до них доживете), когда такие комментарии будут считаться эталонными».

В апреле 2022, в разгар войны России против Украины, я не мог не поделиться с Мишей откровенной салтыковщиной, происходящей в стенах Российской национальной библиотеки вокруг фигуры его учителя: в День работника культуры отдел культурных программ РНБ подготовил поздравительный постер с изображением основоположника московско-гартуской семиотической школы. Однако руководитель Департамента безопасности РНБ, не опознавший на постере Лотмана, перепутав соотечественника с американцем Марком Твенном, сорвал портрет и подал начальству рапорт о разоблачении идеологической диверсии. Воспроизведу Мишин рассказ, тем более что его вариацию он не раз смаковал за домашними посиделками:

Да, этот курьезный случай мне уже был известен: я слежу за выступлениями Миши Золотоносова, который тридцать лет назад, после моей эмиграции, подхватил знамя борьбы с дирекцией Публички. <...бывший директор> В. Н. Зайцев прославился еще в пору работы секретарем по идеологии Куйбышевского райкома своим ответом на вопрос, не возражает ли он против включения «Дней Турбиных» в репертуар Пушкинского театра: «Не возражаю. Производственная тема нам нужна». Он же, узнав, что в Публичке имеется библиотека Вольтера, решил, что Вольтер некогда работал в Публичке и после него сохранилась комната, в которой он держал книги. На одном из заседаний дирекции Зайцев заявил, что намерен потратить миллион инвалютных рублей на восстановление «и кабинета Вольтера». На немое изумление присутствующих ответил: «Ну, у нас ведь сохранился кабинет Фауста». (Кабинетом Фауста называлось стилизованное под готический монастырский скрипторий помещение отдела редкой книги, т. е. трофеев WW2.) Зайцев был в курсе, что кандидат наук освобождается от налогов за кабинет, а доктор – за кабинет и за библиотеку, и подумал, что Вольтер наверняка был доктором, а стало быть, в Публич-

ке у него некогда был и свой кабинет. В общем никто не удивился, когда к юбилейной стенгазете «История Публички», открытой разделом «А. Н. Оленин» и увенчанной разделом «В. Н. Зайцев», я приклеил свою эпигramму:

Когда-то здесь оленей мы встречали...
Впоследствии же стало нам казаться,
Что благородные олени измельчали,
А то и вовсе выродились в зайцев.

Веселое было время, что и говорить.

*

Второй Мишиной страстью после литературы была живопись, а в живописи он больше всего ценил Вермеера. Рассказывал, что Метрополитен благодаря Брейгелю и Вермееру – его любимый музей в Штатах: бывал в нем семь раз за шесть приездов в Нью-Йорк – и ничего не успел там толком рассмотреть, потому что все время стоял перед картинами Вермеера. У иных путешествия складываются из театральных и кулинарных походов, Мишины же поездки по Европе, судя по его телеграфным отчетам, выглядели словно ходы конем на шахматной доске с клетками из полотен великого голландца: «Пол-апреля прошли в разъездах: Ганновер (родня), Брауншвейг (малоизвестный, но недурной – с Вермеером! – музей), Берлин (с одним Вермеером, второй в Париже, а заодно юбилей небезызвестного Вам Смолянского – см. фото, где на заднем плане – да, да, Улицкая), Прага (уже совершенно русскоязычная), Дрезден (с одним Вермеером, второй – канальство! – на реставрации, оставшийся же – “Сводница” – по-моему, вообще не Вермеер: он в это время жил в доме и на счет тещи, так что вряд ли стал бы обнаруживать близкое знакомство с атмосферой борделя; да и освещение не его, и кружева не “проработаны”), Лейпциг (в центре весьма недурен – есть, оказывается, особый и, как ни странно, сохранившийся саксонский шик) и еще парочка мест в Саксонии и Тюрингии».

Вероятно, последней научной публикацией, лично подготовленной Мишей незадолго до смерти, станет отрывок из оставшихся

теперь недописанными комментариями к еще одной любимой им книге – тыняновскому «Подпоручику Кижю». Оставаясь в ясном сознании до самых последних дней, однако уже не в состоянии самостоятельно печатать, он диктовал Ренате свой новый текст. В моей «Марке с цеппелином» Миша немедленно опознал скрытую цитату из «Смерти Вазир-Мухтара», что было приятно; правда последовавший комплимент опечалил, учитывая Мишины обстоятельства: «Вашу короткую прозу очень удобно читать на диализе».

Замысел заметок на полях тыняновской прозы родился у Миши еще в 2011 году, когда в *Toronto Slavic Quarterly* появилась его первая заметка по теме под названием «Сны в руку». Получив по электронной почте в августе 2023 рукопись для фештшрифта в честь искусствоведа Джона Боулта с фрагментом новых комментариев Миши к «Подпоручику Кижю», я написал, что немедленно и с огромным интересом проглотил эти «комментарии, как всегда сочетающие виртуозные филологические наблюдения с непонятно как найденными иголками в стогах архивного сена». Накануне мне привиделся странный сон, который я аккуратно пересказал на следующее утро Мише:

И, кстати, говоря о «Снах в руку» – сегодня мне приснилось (разумеется, еще до того, как я проверил почту), будто держу в руках Фештшрифт, но... изданный в Вашу честь. И то была совершенно чудесная штукавина – пухлый том, сработанный в средневековом монастыре. Обложка – терракотового цвета, с текстурой как марля, мягкая на ощупь, хотя внутри явно подложен картон. Самое замечательное, что в нижней трети передней обложки сильно выступал рельефный герб. Что на нем было изображено, я не разглядел из-за размытости онейрического фокуса, однако внимательно изучил во сне технологию изготовления этой выпуклой вставки: в типографии в обложке проделали вырез-окошко, изнутри подклеили герб-розу и вручную замазали с обеих сторон клеем и глиной места сшивки. Бумага самого сборника была неровной по краям, даже разных оттенков, как и подобает *rustic handmade albums*, шитым из разнокалиберных листов. Шрифт основного текста внутри был синий, а примечания набраны обычными черными чернилами. Притом мне стало немного обидно, что меня нет

среди участников, но потом я полистал и увидел, что книга вышла в 2013, значит ее собирали до моего первого годового отпуска в Гейдельберге. Составитель какой-то немец, имя мне неизвестное; Женя Сошкин в «Содержании» тома числился. Еще я отчетливо подумал во сне, что нужно сделать несколько снимков для Л. М., как образец выдающегося книгопечатного искусства.

Миша поблагодарил «за теплые слова и за запись сна – лестного и на зависть яркого (с тактильными ощущениями – моей сновидческой практике они настолько не знакомы, что я и не подозревал об их существовании)», скромно прибавив: «Но высокая оценка рукописи мне, увы, что называется на вырост. Полночи промучился, вспоминая, что же в последней заметке не откомментировал, к утру понял, что словосочетание “царское вино”, так что немедленно дополнил комментарий. Посылаю новую редакцию. Знаю, что так не делается, но... Торжественно обещаю, что она окончательная и бесповоротная!»

Так и получилось, что редакция фрагментов из незавершенной новой книги Михаила Безродного теперь действительно «окончательная и бесповоротная». При всей бравурности характера и умении придавать реальности в пересказе черты комического, Миша, вероятно, был гораздо ближе к «читателю душ» Бальмонта, чем могло показаться стороннему наблюдателю: «Все думал в их строках нежданность подстеречь я, / Искал я тайны тайн за каждой чертой». Недаром финальное предложение в его первой книге – «Конец прекрасной цитаты», во второй – «Смерть автору. Закат Европе. Конец цитате. Просьба освободить вагоны», третья начинается рассказом „Memento mori!”, а четвертая кончается двустихием:

переворачиваться бу-
ду то и дело в коробу

Одним из любимых произведений Миши у Набокова был «Круг»; подражая устройству этого рассказа, закончу возвращением к началу. Первая встреча с Мишей произошла весной 2002, когда он приехал в Лос-Анджелес с ярким докладом, посвященным мотиву кулака и кулачных боев в русской культуре. В тот же вечер мы вчетвером

с А. К. Жолковским, А. Л. Осповатом и нашим гостем отправились отмечать знакомство в армянский шалман на Ла-Бреа-авеню – Варуджан подносил дмящиеся шашлыки, рекой лилось спиртное, мои старшие собеседники были в ударе – филологические остроты, как молнии, резали воздух. Миша и двадцать лет спустя с удовольствием вспоминал тот вечер. К фразе из «Круга» – «ничто-ничто не пропадает, в памяти накаплиются сокровища» вместо комментария он процитировал отрывок из «Машеньки»:

Где теперь это счастье и солнце, эти рюхи, которые так славно звякали и скакали, мой велосипед с низким рулем и большой передачей?.. По какому-то там закону ничто не теряется, материю истребить нельзя, значит, где-то существуют и по сей час щепки от моих рюх и спицы от велосипеда.

Юрий Левинг (Принстон)